

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Древнейший покров на раку святителя Леонтия Ростовского

А.В. Силкин

Настоящая статья посвящена одному из трех сохранившихся покровов на раку святителя Леонтия Ростовского¹ (ил. 1). Два других памятника хорошо известны, так как они уже длительное время находятся в экспозиции музея и неоднократно публиковались – это покров, вложенный в 1514 г. великим князем Василием III и его супругой Соломонией Сабуровой², и покров середины XVI в.³ В Сборнике Музея прикладного искусства в Белграде В.Г. Пуцко опубликовал и рассматриваемый нами покров. Автор датирует покров концом XVI – началом XVII вв.⁴ Но поскольку это издание мало известно, а интересующий нас покров давно и лишь короткое время выставлялся в залах музея, он не привлекал внимания исследователей.

От первоначального произведения сохранилась фигура святого и над ним небесный сегмент с небольшим кружком-солнцем, исходящими от него тремя лучами и звездами на фоне. Шитье выполнено по тафте фиолетово-сизого (таусинного) цвета. Основа ткани состоит из нитей некрашеного шелка, уток – фиолетового шелка. Редкая техническая особенность – отсутствие холста под шелковой тафтой. Позже, вероятно, в XVII в., фигура и сегмент были вырезаны и переложены на красную тафту. Каймами послужила зеленая тафта. Эти ткани тоже довольно ветхие: на среднике многочисленные мелкие утраты, а на кайме справа большая заплата. Ни поэм, ни надписи не сохранились.

В шитье использованы почти исключительно шелковые нити. Личное шито некрученым шелком «в раскол», в основном, в одном, горизонтальном направлении (ил. 2). Только на лбу, вокруг глаз и на крыльях носа стежки выложены «по форме». Причем белки шиты чуть более светлым и толстыми нитями и крупными стежками. Ри-

сунок черт лика графичен, выполнен коричневым шелком. Верхнее и нижнее веки даны двумя дугами, которые не смыкаются. Над ними – дуги бровей, переходящие в симметричный контур носа. Радужка глаза – темно-вишневая. Рот шит малиновым шелком, борода и волосы – темно-вишневым, с примесью тонких нитей некрашеного шелка. Черты в некоторых местах позже прошиты по старому контуру шелком, близким к первоначальному цвету. Но, в отличие от подлинного шелка, краситель этих нитей оказался текучим.

Одежды святого и обрез Евангелия шиты шелком «в прикреп», так называемым «молдовлахийским» или «двойным сложным» швом: нижние некрученые толстые нити, положенные с разрежением в 1,5 – 2 мм., перекрыты более тонкими, плотно скрученными нитями (в данном случае – пучком из трех нитей) (ил 3). Последние прикрепляются такими же нитями с «оттягиванием» в сторону нижних в шахматном порядке так, что получается вертикальный зигзагообразный рисунок. Нам кажется, что терминологически эту технику точнее было бы определить как шитье «в прикреп по двум пересекающимся нитям». Серебряной пряденой золотой нитью шиты только нимб, ворот фелони, кресты и «источники» на омофоре, поруч на правой руке, оклад Евангелия, солнце с лучами и звезды в небесном сегменте. За исключением последних, все металлическое шитье выполнено «в прикреп» желтым шелком швом «косой ряд».

Подкладкой покрову служит ветхая голубая крашенина. Шитье крестов на фелони и обуви, выполненное темно-коричневым шелком, имеет утраты, но это не разрушает общий колористический строй образа, так как открывшийся в этих местах фон близок по цвету.

На очелье клобука вырезан насквозь (вместе с подкладкой) равноконечный крест. Края обметаны серебряной пряденой нитью более светлой, чем основная, что свидетельствует о позднем происхождении этой утраты. Можно только предположить, что это было сделано, чтобы вставлять какой-то драгоценный крест.

По использованным материалам, по своей ветхости покров считался более скромным, чем два других покрывала. В конце XVII в. он находился на раке святого, где его фиксирует Описание ростовского Успенского собора дьяка Михайлы Воинова 1691 г.: «Покров Леонтия чудотворца вседневной шит розными шолками. Средник отлас червчатой обложен отласом зеленым»⁵. Век спустя он хранился уже в ризнице: «Плащаниц, шитых золотом и серебром... Спаситель Леонтий шита по белой земле темным и вишневым шелком [имеется в виду белый цвет фелони и темно-вишневые кресты на ней – А.С.]. Верхняя риза крещатая. Венцы, Евангелие и кресты шиты золотом и серебром. Наложена на красный атлас, оклады атласные зеленые. Подложена крашениной синей светлой»⁶. Рассматриваемый по-

кров описывается в одном из трудов знаменитого исследователя и знатока ростовской «старины» А.А. Титова: «Покров св. Леонтий, шит темно-вишневым шелком, верхняя риза кресчатая; венец, епитрахиль и кукуль шиты золотом и серебром, без подкладки»⁷. К моменту поступления в музей в 1924 г. покров находился в соборе на раке святого под стеклом.

Обращаясь к технике шитья доличного, заметим, что название «молдовлахийского шва» идет от двух произведений, выполненных подобным образом: пелен «Церковная процессия» 1498 г. и «Усекновение главы Иоанна Предтечи» 90-х гг. XV в. В науке принято мнение, что эти произведения были выполнены в мастерской невестки великого князя Ивана III, дочери молдавского господаря Стефана Великого, Елены, прозванной на Руси Волошанкой⁸. В литературе приводится еще одна пелена, доличное на которой создано в этой технике – «Рождество Богоматери, с житием Иоакима и Анны» из Воскресенского собора Волоколамска, вложенной, как гласит надпись на пелене, внуком великого князя Василия Темного, двоюродным братом Ивана III, волоцким князем Федором Борисовичем и «благочестивой его княгини Анны шитье»⁹. Анна происходила из рода суздальских князей Шуйских.

Следует отметить, что указание на молдовлахийские памятники, шитые, якобы, с применением этой техники, не совсем оправданы¹⁰. Только на воздухе «Сняте со креста» 1517-1519 гг. Нягое Басараба¹¹ одежды и позем зашиты «в прикреп» по уложенным сдвоенным шелковым нитям. Но это совершенно другой прием, напоминающий, скорее, западноевропейский «бургундский» шов, или «оттененное золото» (or nué, shaded gold), создающий рубчатую «гобеленную» поверхность.

Вопрос о происхождении техники шитья «в прикреп по двум пересекающимся нитям» не разработан. Памятников сохранилось чрезвычайно мало, и они не упоминались в отечественной литературе в этой связи. В трудах западноевропейских исследователей утверждается, что в целом техника шитья «в прикреп» возникла в Иране до нашей эры. В Европе была распространена на протяжении нескольких столетий, прежде всего, в вышивках Скандинавии и Исландии¹². Впервые разновидность именно рассматриваемого шва встречается на знаменитом «ковре из Байе», или «ковре Матильды», длиной 70,35 м и шириной 0,5 м, на котором вышито шерстью по льну эпическое повествование о походе в Англию мужа Матильды Вильгельма Завоевателя. По всей вероятности, это уникальное произведение было создано в конце XI в. в англо-саксонской мастерской по заказу епископа Байе Одона Контевилльского, двоюродного брата короля Вильгельма Завоевателя¹³. В церковном искусстве эта техника, но уже шелком, применена на визан-

тийской плащанице конца XIV в. в соборе Сан Марко в Венеции¹⁴. Близкая техника использована в шитье поземов в клеймах орната конца XV – начала XVI вв. из польского францисканского костела в Пинске (Белоруссия) и целого ряда подобных европейских вышивок XV-XVI вв. от Испании до Германии¹⁵. Под влиянием европейских памятников шиты клейма с избранными святыми на русской епитрахили из Павло-Обнорского монастыря конца XVI в.¹⁶ Похожий шов можно видеть и на позах покровцов белорусского происхождения: два «Распятие», «Снятие со креста» и «Положение во гроб» середины 1650 – 1660-х гг.¹⁷

В древнерусском шитье, и для нас это исключительно важно, именно тот же шов, что и на покрове, и на пеленах Елены Волошанки, и на пелене Анны Волоцкой, мы видим еще на двух произведениях: на воздухе 1466 г. княгини Елены Верейской¹⁸ (о нем ниже, ил. 5) и на воздухе «Положение во гроб» из Сумского посада¹⁹ – памятнике новгородского искусства второй половины XV в., в котором отразились и черты московского шитья. Таким образом, описываемый шов появляется на Руси за двадцать лет до приезда Елены Волошанки (ил. 6).

Епископ Ростовский Леонтий погиб в 1071 г. от рук восставших язычников. При восстановлении князем Андреем Боголюбским сгоревшего в 1161 г. ростовского Успенского собора были обретены мощи епископов Леонтия и его преемника Исая. Но по политическим причинам, как считает А.С. Хорошев²⁰, Андрей Боголюбский санкционировал епархиальную канонизацию только Леонтия, которая произошла в конце XII в. уже после смерти князя. Обще-русская канонизация первого ростовского святого состоялась в XIII в.

Иконографии Леонтия Ростовского в иконописи посвящено несколько специальных работ²¹. Рост числа иконописных образов св. Леонтия Ростовского идет параллельно с заметным увеличением списков жития на рубеже XV-XVI вв. Наиболее ранние списки службы святому относятся к XV в., а жития – к концу XIV в.²² В памятниках шитья самое древнее изображение Леонтия – внизу на правой кайме пелены «Покров Богоматери, с избранными святыми», датируемой И.А. Стерлиговой концом XIV в.²³; на упоминавшемся выше воздухе 1466 г. Елены Верейской. В среднике пелены (сударя?) «Богоматерь Неопалимая Купина» из Кирилло-Белозерского монастыря, конца XV – начала XVI вв.²⁴; на кайме пелены (сударя?) конца XV в. «Успение Богоматери» в ГЭ²⁵; на кайме пелены «Явление Богоматери Сергию, праздники и избранные святые» 1525 г.²⁶ Единолично святитель изображен только на двух (помимо нашего) покрывах, упоминавшихся в начале статьи.

Композиция покрыва традиционна для подобных святительских образов – святой Леонтий изображен прямолично в рост, со слегка отставленной левой ногой. Кисть руки, выглядывающей из-под края крестчатой фелони-полиставрия²⁷, обращена к зрителю в именованном архиерейском благословении. На согнутой левой руке, покрытой фелонью, на омофоре святитель держит закрытое Евангелие. Характерен легко узнаваемый лик святого с короткой округлой бородой и «кудельками» на висках. Фигура имеет стройные пропорции, но не удлинённые. Силуэт обобщённый, но «живой», легкая асимметрия соответствует позе и жесту святого. Стилистически шитое изображение близко образам на иконе «Ростовские святители Леонтий, Исайя и Игнатий» из того же музея²⁸ (ил. 6). В.И. Вахрина предполагает, что икона могла быть создана в архиерейской мастерской для ростовского Успенского собора в конце XV в. в правление архиепископа Вассиана (Рыло, 1468-1481)²⁹. Абрис фигуры, способ держания Евангелия, вырез и складки переднего подола фелони ближе не св. Леонтию на иконе, а св. Игнатию, стоящему слева. У Леонтия так же были изображены выбивающиеся из-под клобука вьющиеся пряди волос (в значительной мере утрачены)³⁰. Близка форма прямоугольного ворота и его декорация «жемчугами» (в шитье – сокращённый вариант). Но на иконе фелонь не имеет крестов, жест не именованный, а двуперстный. Следует отметить, что в XIV–XV вв. были равно распространены оба варианта перстосложения.

Рисунок благословляющей руки Леонтия очень близок рисунку руки св. Николая Чудотворца на иконе начала XVI в. из церкви Николая на Всполье³¹. Но что важнее, именованный жест благословения у Леонтия на покрове аналогичен жесту Спаса Великого Архиерея на упоминавшемся воздухе 1466 г. (ил. 7). Однако не только это и техника шитья «в прикреп по двум пересекающимся нитям» сближают два произведения: шитье ликов также упрощённое, «по форме»; обводка глаз не замкнута, белки шиты более светлым шелком «по форме». На воздухе также очень мало металлической нити. Как и на покрове, золотной нитью шиты, главным образом, нимбы и некоторые детали (кресты на омофорах, переплеты Евангелий и др.). Причем, прикреплены положены исключительно «косыми рядками». Редкая техническая особенность также сближает оба произведения: шитье выполнено по шелку без холщевой основы. На воздухе в Деисусе последним справа изображен св. Леонтий (ил. 8). Он также облачен в полиставрий, белый клобук без креста и орнамента на концах воскрылий. Близкий принцип орнаментики епитрахили – симметричные треугольники один против другого по краю и ромбы по центру. Пропорции фигур несколько отличны. Но это объясняется разностью в масштабах фигур. К тому же и на воздухе можно видеть фигуры различных пропорций: в центральных ком-

позициях, у большинства персонажей в Деисусе фигуры более вытянутых пропорций, чем у Леонтия и митрополита Петра, а также у избранных святых на противоположном краю воздуха.

Сохранилась вкладная надпись на воздухе: «В ЛЕТО 6974 [1466] КНЯИНИ ОЛЕНА ВЫШИЛА СИЙ ВЗДОУХЪ ВЕЛИКОМОУ АРХИСТРАТИГОУ МИХАИЛОУ КНЯЗЮ МИХАИЛОУ ОНДРЕВИЧЮ И ЕГО КНЯИНИЕ И ИХЪ ДЕТЕМЪ».

Воздух предназначался для Архангельского собора Московского Кремля – усыпальницы Московских князей, – в котором были могилы деда и отца Михаила Андреевича. Князь Верейский и Белозерский Михаил Андреевич (1432-1486) – внук Дмитрия Донского, младший брат князя Ивана Андреевича Можайского, того самого, который был союзником врага великого князя Василия II Дмитрия Шемяки. Это Иван Андреевич захватил в 1446 г. в Троице-Сергиевом монастыре Василия и привез в Москву, где тот был ослеплен по приказу Шемяки, после чего и получил прозвище Василия Темного. Неоднократно предававший и Василия II, и Дмитрия Шемяку, Иван Андреевич в конце концов вынужден был бежать с семьей в Литву, а Можайск перешел к Московскому князю³². Но сам Михаил Андреевич был верен свояку Василию II (князь Верейский и Московский были женаты на сестрах – боровско-серпуховских княжнах Елене и Марии Ярославнах). Он побывал с великим князем в татарском плену в 1445 г. после битвы под Суздалем. В 1447 г. Михаил Андреевич вел переговоры от имени Василия Темного со своим братом. После смерти великого князя в 1462 г. Михаил Андреевич служил его сыну Ивану Васильевичу так же, как и его отцу. В 1480 г., отправляясь против хана Ахмата, Иван III поручает «блюсти» Москву матери своей, иноке Марфе (великой княгине Марии Ярославне), Михаилу Андреевичу Верейскому, митрополиту Геронтию и владыке Ростовскому – Вассиану. Ясно, что оборона столицы возлагалась на Верейского князя. Однако, нельзя сказать, что московский князь платил сторицей Михаилу Андреевичу за самоотверженную службу, подобно тому, как Дмитрий Шемяка пожаловал его брата Суздалем за пленение Василия Московского. В 1482 г. между Иваном III и Михаилом Андреевичем был заключен договор, по которому великий князь обязуется «блюсти» под Михаилом и его сыном Василием отчину их Верею, Ярославец и Белоозеро. Относительно последнего замечено, что по смерти Михаила оно переходит великому князю мимо Василия Михайловича. Но уже в следующем году заключен новый договор: «А с сыном ти твоим, с князем Васильем не ссылатися никотороу хитростью... А чем благословил тебя отец твой...и та вотчина твоя вся после твоего живота мне, великому князю, со всем по тому, как было за тобою...»³³. Такая перемена отношения, равносильная опале,

объясняется событиями, произошедшими с сыном Василием. В 1483 г. Иван III по случаю рождения внука Дмитрия хотел «сноху свою [упоминавшуюся нами Елену Стефановну Волошанку] дарити сажением первые своей жены великие княгини тферские». Оказалось, что это «сажение» (ожерелье) великая княгиня Софья Фоминична подарила племяннице своей Марье Андреевне Палеолог, при выходе ее за муж за Василия Михайловича Верейского. В гневе великий князь взял у него все приданое жены его и, кроме того, «хотел его и со княгинею поимати». Василий Верейский был вынужден бежать в Литву с женой³⁴. Вскоре, в 1486 г., старый верейский князь умирает (похоронен в боровском Пафнутьевом монастыре в присутствии великого князя³⁵). Неизвестен год смерти его жены княгини Олены – Елены Ярославны (дочери боровского князя, сестры матери Ивана III Марии Ярославны), но учитывая, что она была за мужем еще до 1448 г. и не могла быть сильно моложе супруга (которому в 1448 г. было 16 лет), ей к этому времени должно было быть немногим более 50 лет. Помимо Василия у них еще был сын Иван и дочь Анастасия³⁶.

На этом фоне кажется малозначительным, но для нашей темы очень важный эпизод, произошедший в 1478 г. В этом году на архиерейском соборе рассматривался спор между митрополитом Геронтием и архиепископом Ростовским Вассианом из-за Кирилло-Белозерского монастыря. Митрополит поддерживал монахов во главе с игуменом Нифонтом, желавших «переменить старину» и выйти из-под управления Ростовского архиепископа под юрисдикцию верейско-белозерского князя. Но собор и великий князь встали на сторону архиепископа и велели ведать монастырь по старине³⁷.

Можно предположить, что строение покрова на раку Леонтия в мастерской Елены Верейской было знаком примирения с архиепископом и стоявшим за ним великим князем.

Создание покрова укладывается и в рамки мероприятий, связанных с канонизацией ростовских святителей Исаяи и Игнатия в 1474 г., устройством не только их рак, но и раки Леонтия. Особое почитание Леонтия Ростовского наравне с московскими чудотворцами отражено в договорной грамоте, заключенной в 1447 г. между Иваном Андреевичем Можайским и великим князем при участии князя Михаила Андреевича Верейского: договаривающиеся стороны призывают в свидетели митрополита Петра, Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского³⁸. Учитывая стилистическую близость шитого образа иконе «Ростовские святители Леонтий, Исаяи и Игнатий» в собрании Ростовского музея, выполненной, как предполагает В.И. Вахрина, в архиепископской мастерской (об этом говорилось выше), рисунок для покрова также мог быть заказан архиепископскому иконописцу. В пользу нашего предположения гово-

рят как техническая и стилистическая близость покрыва воздуха 1466 г., так и отличие его по этим признакам от произведений великокняжеских мастерских – покрывов «Сергий Радонежский»³⁹ и «Кирилл Белозерский середины XV в.»⁴⁰ и покрыва «Леонтий Ростовский» 1514 г.

Итак, рассматриваемый покров является если не первым, то, во всяком случае, древнейшим из сохранившихся покрывов. Он возлагался еще на белокаменную раку Леонтия в соборе, предшествующем нынешнему. Покров был вышит, на наш взгляд, в мастерской княгини Елены Верейской в конце 70-х – начале 80-х гг. XV в. Создание этого памятника связано с церковно-политическими событиями в ростовской епархии и деятельностью архиепископа Вассиана: канонизацией преемников Леонтия – Исаяи и Игнатия, установлением культа «трех святителей» и обустройством их раки в ростовском Успенском соборе. Возможно, покров был «молением» верейской княжеской пары о заступничестве за опального сына Василия. После строительства нового собора в 1508-1512 гг.⁴¹ здесь появился более «статусный» и богатый покров – вклад великого князя Василия III, вышитый в мастерской его жены Соломонии Сабуровой в 1514 г. как моление о чадородии. К середине XVI в. относится создание третьего покрыва.

После разгрома собора в 1609 г. поляками гетмана Лисовского и примкнувшими к нему переславцами (когда с гробницы была содрана доска «из чистого золота» весом в 200 фунтов) или после пожара 1670 г. первый покров был уже в ветхом состоянии и шитье переложили на красный атлас с зелеными каймами. Как более скромный, он выполнял роль «повседневного» покрыва и постоянно находился на раке святого, где его и зафиксировала Опись 1691 г. Ко времени Описи 1793 г. покров хранился в ризнице собора.

**

¹ ГМЗРК. № КП-23352/Т-3798 (старый № 924/123), размер 208 x 98. Реставрирован в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря в 2008 г. И.В. Михайловой.

² Старый инв. № 921/51. Титов А.А. Ростовская и ярославская старина. Вып. 3. Ярославль, 1890. С. 3; его же. Ростов Великий в его церковно-археологических древностях. М., 1911. С. 41; Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI века. М., 1971. С. 72; Пуцко В. Памятники русского прикладного искусства XV–XVII веков в Ростове // Музей примененные уметности. Сборник. Бр. 24-25. Београд, 1980-1981. С. 57-59, ил. 4.

³ Выполненный, по предположению В.Г. Пуцко, в мастерской царицы Анастасии Романовны. Пуцко В.Г. Указ. соч. С. 60, ил. 5. Эта атрибуция, как нам кажется, недостаточно обоснована автором.

⁴ Пуцко В.Г. Указ. соч. С. 66, ил. 8; Пуцко В.Г. Иконописные изображения св. Леонтия ростовского: становление традиции // ИКРЗ, 1995. Ярославль, 1996. С. 58, табл. 1, № 4 на с. 61.

⁵ ГМЗРК. Инв. № Р-1083. Л. 23 об.

⁶ ГМЗРК. Инв. № Р-460. Л. 26-26 об.

- ⁷ Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических древностях. М., 1911. С. 41.
- ⁸ Обе хранятся в ГИМ. Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 20-21, табл. 27 и 28; ее же. К вопросу о южно-славянских связях в русском лицевом шитье XV-XVI веков // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VII: Проблемы русской художественной культуры. М., 1990. С. 87-92.
- ⁹ ГТГ. Щепкина М.В. Изображение русских исторических лиц в шитье XV века // Труды ГИМ. Вып. 12. М., 1954. С. 14-20; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 23-25, табл. 34; ее же. К вопросу о южно-славянских связях... С. 92-93; Сидоренко Г.В. Пелена. Рождество Богоматери, с житием Богоматери // Дионисий «живописец пресловущий». М., 2002. С. 222-223, кат. 58 (здесь см. библиографию).
- ¹⁰ Маясова Н.А. К вопросу о южнославянских связях... С. 90, 93, прим. 16 на с. 103.
- ¹¹ Маясова Н.А. Средневековое лицевое шитье. Византия. Балканы. Русь. Каталог выставки. М., 1991. Кат. 18, ил. на с. 63-65.
- ¹² Staniland K. Medieval Craftsmen. Embroiderers. London 1991. P. 40-41. В западно-европейской литературе отсутствует специальный термин для этого шва и используется общее обозначение как шитья «по настилу в прикреп» (underside couching).
- ¹³ Staniland K. Op. cit. P. 57-58, fig. 60 (автор полагает, что художником ковра был англичанин, наиболее вероятно, монах из Кентерберри, и вышит был в Кентерберийской мастерской); King D., Santina L. Embroidery in Britain from 1200 to 1750. London 1993. P. 12, pl. 2. Полностью проиллюстрирован в буклете: The Bayeux Tapestry. Edit. Ville de Bayeux. 2002.
- ¹⁴ Millet G. Broderies religieuses de style Byzantin. Album. Paris, 1939. Tabl. CLXXX, СХСIII-СХСV. Вероятно, плащаница происходит из Мореи (Пелопоннес) и на ней заметны черты западно-европейского шитья XIV в. (лики ангелов).
- ¹⁵ Высоцкая Н.Ф. Декоративно-прикладное искусство Белоруссии. Минск, 1984. Табл. 125-126; Muehlbaecher E. Europaeische Stickereien vom Mittelalter bis zum Jugendstil: aus der Textilsammlung des Berliner Kunstgewerbemuseum. Berlin 1995. Kat. 24-30, 34, 49.
- ¹⁶ Вологодский музей-заповедник, инв. № ВОКМ 9637; 1046/Е; ТЦ-126; Рыбаков А.А. Художественные памятники Вологды XIII-XX вв. Л., 1980. Ил. 75.
- ¹⁷ Музей-заповедник «Новый Иерусалим». Черненилова Л.М. Памятники лицевого шитья из Валдайского Иверского монастыря // Государственные музеи Московского кремля. Материалы и исследования. Вып. X.: Древнерусское художественное шитье. М., 1995. С.153-158, ил. 6 и 7.
- ¹⁸ Астраханский музей-заповедник, инв. № КП 3562/196, размер 145 x 183. Реставрировалась сотрудниками ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря М.П. Рябовой, А.Н. Беляковой и Т.А. Горощков в командировках 1967 г. и повторно Т.А. Горощко в 1987 г.; Нарциссов В.В. Воздух, шитый княжной Еленой Верейской // Древнерусское искусство: исследования и атрибуция. СПб., 1977. С. 212-232. Мы не можем согласиться с предположением автора, что воздух предназначался для покрытия ковчега с мощами, и считаем, как и Н.А. Маясова и В.Г. Пуцко, что это воздух-плащаница, выносимый на Великий вход на вечерне Великой Субботы. См.: Маясова Н.А. Произведения лицевого шитья из Архангельского собора // Архангельский собор Московского кремля. М., 2002. С. 335-338; Пуцко В.Г. Плащаница 1466 г. из Архангельского собора Кремля // «Убрус». Вып. 6. СПб., 2006. С. 59-71.
- ¹⁹ Архангельский областной краеведческий музей, инв. № КП 877. Соломина В.П. Древнерусское шитье в собрании Архангельского областного краеведческого музея. Каталог. Архангельск, 1982. С. 28, кат. 2, ил. на с. 29-31; Триеннале. Реставрация музейных ценностей в России. Каталог выставки. М., 1999. С. 20, кат. 154, ил. 51 на с. 52; Григорьева В.А. Русский север глазами рестав-

- ратора. Каталог выставки. Архангельск, 2002. С. 32. кат 1, ил. на с. 10, 11, 33. Реставрирован в 1997 г. Г.А. Григорьевой, Архангельский филиал ВХНЦ им. И.Э. Грабаря.
- 20 Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986. С. 63-64.
- 21 Пуцко В.Г. Иконописные изображения св. Леонтия Ростовского: становление традиции // ИКРЗ, 1995. Ярославль, 1996; Мельник А.Г. Иконография ростовских святых. Каталог выставки. Ростов, 1998; Вахрина В.И. Икона ростовских святителей Леонтия, Исаяи, Игнатия. К истории иконографии ростовских святых // Искусство Христианского Мира. Сборник статей. Вып. 5. М., 2001. С. 111-117; Мельник А.Г. «Ростовские и московские святые»: эволюция иконографии в XVI-XVII вв. // ИКРЗ, 2003. Ростов, 2004; Пуцко В.Г. Фелонь-полиставрий св. Леонтия Ростовского // СРМ. Вып. XV. Ростов, 2005. С. 401-414.
- 22 Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Л., 1989. С. 244, 251.
- 23 ГИМ. Стерлигова И.А. Древнейшая русская лицевая пелена к иконе // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., 2005. С. 553-564.
- 24 «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. С. 251. Кат. 155, ил. на с. 250.
- 25 Э/РТ-7976. Косцова А., Моисеенко Е. Две шитые иконы XV века // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 42. С. 18-21.
- 26 Сергиево-Посадский музей-заповедник. Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. Табл. 38.
- 27 О традиции изображать св. Леонтия в полиставрии см.: Пуцко В.Г. Фелонь-полиставрий св. Леонтия Ростовского // СРМ. Вып. XV. Ростов, 2005. С. 401-414.
- 28 ГМЗРК. Инв. № И-1045. Вахрина В.И. Указ. соч. С. 111-117; Иконы Ростова Великого. М., 2006. Кат. 10. С. 82-84.
- 29 Вахрина В.И. Указ. соч. С. 113-115.
- 30 Вахрина В.И. Указ. соч. С. 116.
- 31 Вахрина В.И. Указ. соч. Кат. 30. С. 128.
- 32 Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. Т. II. СПб., 1891. С. 319-326.
- 33 Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 332-334.
- 34 ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 235; Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 336.
- 35 ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1853. С. 218; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI вв.). М., 1977. С. 44, прим. 31.
- 36 Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 334.
- 37 Голубинский У. История русской церкви. Т. 2. Первая половина. М., 1997. С. 555-556; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI вв.). М., 1977. С. 84-85.
- 38 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., 1950. № 50. С. 149-150.
- 39 Маясова Н.А. Образ Сергия Радонежского в древнерусском шитье. (К вопросу об иконографии) // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV-XV вв. М., 1998. С. 45; Лихачева Л.Д. Ранний покров Кирилла Белозерского из собрания Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. 1994. М., 1996. С. 382-386.
- 40 Лихачева Л.Д. Указ. соч. С. 383.
- 41 Мельников А.Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 130-131.